

В.М. Алпатов

ИЯ РАН

**Размышления над книгой В.М. Алексева
«Китайская иероглифическая
письменность и её латинизация»**

Крупнейший отечественный китаист академик В.М. Алексеев — фигура, отнюдь не забытая в нашем востоковедении. Однако изданная в 1932 г. в Ленинграде его книга «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация» не принадлежит к числу работ, о которых вспоминают. Она не переиздавалась, ссылаются на неё редко, и даже найти её экземпляр не так легко. Книга не обнаруживается ни в РГБ (бывшая библиотека имени Ленина), хотя тридцать лет назад она там ещё была, ни в библиотеке Института востоковедения РАН, экземпляр нашёлся в библиотеке Института языкознания РАН, где, судя по формуляру, я стал её первым читателем более чем за полвека.

Тем не менее, книга выдающегося учёного не потеряла значение. Она интересна, по крайней мере, в двух отношениях: анализом культурной и языковой ситуации в Китае начала 30-х гг. XX в., и оценками системы китайского иероглифического письма (далее в тексте ссылки на эту книгу приводятся с указанием лишь номера страницы).

Время написания книги — период неопределённой ситуации в Китае, пути развития которого понимались по-разному и в самой стране, и за её пределами. Возврат к прошлому был невозможен, но куда идти дальше? Среди прочих проблем очень серьёзны были и языковые, прежде всего, две, тесно связанные между собой: проблема литературного языка и проблема системы письма. Об этом говорится в книге В.М. Алексева.

Языковая ситуация в Китае до революции 1911–1912 гг., отчасти сохранявшаяся и во время написания книги, типологически во многом сходилась с ситуацией, через которую прошли на определённом этапе

многие народы мира. И в средневековой Западной Европе, и в Византии, и в допетровской Руси, и в Японии до второй половины XIX в., и в мусульманском мире в течение многих веков сосуществовали, с одной стороны, ненормированные и чаще всего бесписьменные диалекты, с другой стороны, более или менее единый для целого ареала язык культуры. Языками культуры были латинский, греческий, церковно-славянский, бунго, классический арабский и др.

Китай имел здесь одну существенную особенность: чисто письменный характер языка культуры, о чём много пишет В.М. Алексеев. Он приводит пример: «Когда я учился в Пекинском университете (1909), я сам присутствовал на лекции профессора-классика, который был родом из Хунани и был вынужден всю лекцию писать на доске, давая к ней реплики и пояснения» (с. 155). Дело было в том, что Хунань – провинция на юге Китая, диалект которой резко отличен от пекинского, и даже профессор-классик плохо говорил по-пекински. Так называемые китайские диалекты В.М. Алексеев, следуя традиции, не склонен был считать отдельными языками, но указывал, что они различаются между собой не меньше, чем разные славянские языки (с. 118). «Переучиваться в Китае с диалекта на диалект порою не легче, чем с языка на язык» (с. 105). Но это касалось лишь устной речи, где не было единой нормы произношения иероглифов. Иероглифику В.М. Алексеев называет «подлинно, но односторонне объединяющей весь Китай» (с. 54), «великим немым», «мощным объединителем» диалектов (с. 17). Мне самому пришлось однажды столкнуться с этим явлением, побывав в 1993 г. в Гонконге. В делегации российских востоковедов были и китаисты, но оказалось, что, зная лишь пекинское произношение, они там не могли разговаривать (гораздо полезнее оказывалось знание английского языка), тогда как вывески они, разумеется, читали. В других культурных ареалах всё бывало иначе: в Болгарии и сейчас в церкви молитву «Отче наш» произносят точно так же, как в России.

В.М. Алексеев постоянно подчёркивает нераздельную связь иероглифов и особого китайского языка культуры, существовавшего в Китае почти в неизменном виде более двух тысячелетий; владение этим языком он сопоставляет с «владением в XX веке языком Остромирова евангелия» (с. 64). Этот язык он называет иероглифическим языком (термин *вэньянь* им не используется). Он указывает на его особенности, тесно связанные с характером письменности (об этом я далее ещё буду говорить), и отмечает его существенные отличия от любого современного диалекта или койне. По его мнению, «процент иероглифов, участвующих в орфографии живой китайской речи...

вряд ли заходит за пределы 10% для словаря эпохи и 2% для обще-иероглифического комплекта» (с. 13). Система традиционного китайского образования включала в себя, прежде всего, обучение этому иероглифическому языку и чтению классических текстов на нём (какому-либо произношению не учили). Овладение этой учёностью было необходимым условием для карьеры, а многократно упоминаемые в книге трудности обучения составляли и социальную проблему. «Одoleвание было под силу лишь устойчиво состоятельным людям, имевшим возможность исключить учащегося из полезной домашней силы на долгие годы. Таким образом, не будучи классовым официально..., фактически отбор был именно таким» (с. 12). Тезис о том, что выучить иероглифы якобы могут только богатые бездельники, но не занятые делом трудящиеся, выдвигал как аргумент против иероглифов в те годы в СССР не один В.М. Алексеев.

Но в книге указано на разрушение традиционной системы. В 1905 г. «уничтожение классического образования и государственных экзаменов, как единственного пути к правительственной карьере, проделало основную брешь в иероглифической твердыне», «с этого момента начинается история её [иероглифики] падения» (с. 57). Процесс европеизации потребовал реформы языка и письменности. В.М. Алексеев отмечает образование после революции 1911 г. разных «партий» по этому вопросу. Это «радикалы», предлагавшие заменить китайский язык каким-нибудь из западных языков или эсперанто, «партия фонетического письма», желавшая сохранить китайский язык, но отказаться от иероглифов, «партия педагогов», предлагавшая то же самое, но не сразу, а постепенно, «партия неоклассиков», предпочитавшая оставить иероглифы, но модернизировать язык, и «партия консерваторов», не хотевшая ничего менять (с. 20, 21). Замечу, что подобные споры шли несколько раньше и в Японии, где в итоге победила «партия неоклассиков» (что позже произошло и в Китае). Однако в отличие от Китая, в Японии никогда не спорили по вопросу о единстве литературного языка, хотя и там бывали значительные различия между диалектами. И левые, и правые сходились в том, что литературный (стандартный) язык в стране должен быть один.

В отношении же Китая шли споры между борцами за единую языковую норму и сторонниками нескольких норм по числу основных диалектов. Почти все, кроме крайних консерваторов, понимали, что «иероглифический язык» не подходит для современной жизни (как не подходили в соответствующую эпоху развития латынь или церковно-славянский язык), но чем его заменить? Единый литературный (в принятом в России понимании этого термина) язык для

всего Китая мог быть создан лишь на пекинской основе. В.М. Алексеев упоминает, что и ранее «странствовать по всему многодиалектному Китаю» можно было, лишь зная «некоторый *койнэ*, общераспространённый (особенно в фонетическом компромиссе), так называемый «мандаринский» диалект (напр., пекинский)» (с. 11). Начали выработываться нормы нового стандартного языка, на котором можно было писать и говорить, такой язык тогда чаще назывался *гоюй*, существовал и термин *путунхуа*, впоследствии принятый в КНР. Он мог связываться и с иероглифическим, и с латинским письмом. Его легче было выучить в северном Китае, где диалекты были ближе к нему, но он «является и всегда будет для непекинских масс языком иностранным» (с. 55).

Споры вокруг данной проблемы шли среди китаистов в СССР. Единый язык на пекинской основе более всего отстаивали жившие здесь китайские политэмигранты, особенно видный деятель компартии Цюй Цюбо, выступавший под псевдонимом Страхов (как указывает В.М. Алексеев (с. 171), псевдоним возник из значения иероглифа, которым писалась его фамилия). Точка зрения В.М. Алексеева и ряда других советских китаистов была иной, по-видимому, обусловливаясь двумя причинами. Первая была связана с трудностями обучения: говоря о новом языке как иностранном для «непекинских масс», академик делает о нём вывод: «следовательно, для ликбеза непригоден» (с. 55). Большинство китайцев тогда были неграмотны, и В.М. Алексеев постоянно сопоставляет процессы, необходимые для Китая, с тем, что тогда осуществлялось в СССР. Если старый иероглифический язык он называет «кастовым», то новый язык (*гоюй*) считает «полукастовым», «достаточно изолированным от широкого пользования» (с. 56); это «искусственный язык» (с. 172), за ориентацию на который он критикует Цюй Цюбо. Третьего для всей страны дано не было.

Но была и другая причина. В.М. Алексеев разбирает такой аргумент в пользу единого языка: «Скажут, далее, что сычуанец, получивший воспитание на своём диалекте и познакомившийся в процессе своего учения с английским языком, будет скорее гражданином мира, чем Китая, с которым его, при отсутствии иероглифики, ничто уже связать не может» (с. 53, 54). Он на это отвечает: «Но и здесь точно так же практика СССР, в которой гражданином мира можно стать и без посредства русского языка, подскажет разрешение сомнений» (с. 54). Академик и его коллеги в 1932 г. исходили из господствовавших у нас в 1920-е гг. идеалистических представлений о том, что после пролетарской революции каждый гражданин

должен получать образование и осваивать вершины мировой культуры на родном языке. Но поскольку «мандаринский» диалект никак не мог рассматриваться как родной язык для значительной части китайцев, то его нельзя им навязывать так же, как, по представлениям тех лет, нельзя принудительно навязывать русский язык нерусскому населению СССР. И поэтому после будущей китайской революции «можно представить себе свободную и немедленную установку на диалекты» (с. 61). И сотрудники В.М. Алексеева создавали для Китая несколько литературных норм. Впрочем, противореча этому, учёный допускал, что «вопрос же письменного объединения Китая будет решён, по всей вероятности, на основании какой-нибудь из слышимых форм речи, как на Западе» (с. 53). Однако что это за форма, осталось неясным.

Возможность «стать гражданином мира без посредства русского языка» оказалась в СССР нереальной, и к концу 1930-х гг. В.М. Алексеев вряд ли смог бы об этом писать (само словосочетание «гражданин мира» после войны превратилось в издевательство). Эта идея возродилась в стране в «перестроечные» годы, но смогла реализоваться только там, где была достигнута политическая независимость. И в Китае победа революции закономерно привела лишь к активизации повсеместного внедрения *путунхуа*. В.М. Алексеев критиковал Цюй Цюбо за научную некомпетентность, но китайский коммунист понимал реальную ситуацию в своей стране. А взгляды ленинградских китаистов во главе с В.М. Алексеевым отражали идеи своей эпохи – и в ней остались.

С вопросом о нормах языка тесно связывался вопрос о системе письма. Реально возможны были лишь два варианта: сохранение иероглифов (в неизменном или реформированном виде) и латинизация. Существовали попытки конструирования особого «национального алфавита» (некоего аналога японской каны), но они большого успеха не имели; В.М. Алексеев (в отличие от Е.Д. Поливанова) относился к ним резко отрицательно, называя «слишком националистическим паллиативом» (с. 55). В отношении же кириллицы академик отмечает, что с лингвистической точки зрения она лучше подходит для китайского языка, чем латиница, поскольку в ней есть буквы *ы, и*, но «русский алфавит не имеет и не может иметь в Китае никакого успеха» (с. 68), тогда как латинский алфавит достаточно известен благодаря распространённости английского языка. Замечу, что в начале 1950-х гг. при последнем обсуждении алфавитных проблем в Китае возник и проект перевода этого языка на кириллицу, но даже тогда до финишной прямой дошёл лишь проект латинизации, затем также отвергнутый.

Вопрос латинизации китайского языка имел много аспектов, но, как сказано в самом начале книги, «доводы за латиницу и против иероглифики имеют главным образом политическую установку» (с. 1). Сторонники латиницы исходили, прежде всего, из того, что иероглифы связаны со старой феодальной культурой и устаревшим «иероглифическим языком», которые отрывали Китай от мирового развития; дополнительным фактором была сложность китайской письменности, требовавшая длительного обучения. Так тогда думали многие в Китае (не только коммунисты) и большинство иностранцев. Противники же латиницы, как отмечает В.М. Алексеев, прежде всего, находились «в панике перед разрушением тысячелетнего здания» (с. 48).

В самом Китае отношение к латинизации бывало различным, но в СССР за латинизацию были почти все, как среди специалистов (китаистов и японистов), так и среди живших здесь китайцев (с. 22). Лишь немногие выступали за сохранение иероглифов (К.А. Харнский). Преобладавшие тогда в СССР настроения выразил Е.Д. Поливанов в статье 1937 г.: «Вопрос осуществления всякой направленной к упрощению реформы письма прежде всего зависит от того, какому классу принадлежит политическая власть и гегемония книжной культуры в данной стране. Именно этим, главным образом, обстоятельством и объясняется, между прочим, то, что и в Японии и в Китае до сих пор пишут труднейшим в мире иероглифическим письмом...: ведь проекты замены японской и китайской иероглифики уже разработаны, и, казалось бы, отчего не реализовать эти проекты в массовом общенациональном масштабе? Но это будет сделано лишь тогда, когда в Японии и в Китае будут свои Октябрьские революции» [5, с. 257]. Характерно, что Е.Д. Поливанов сводит реформу письма исключительно к его упрощению. На него, как и на других советских специалистов, включая В.М. Алексеева, влиял опыт языкового строительства в СССР, где к тому времени были упразднены арабское и старое монгольское письмо и для нескольких десятков языков были созданы алфавиты на латинской основе (перевод их на кириллицу произойдёт позже).

Само появление данной книги было вызвано деятельностью Комиссии по латинизации китайской письменности при Китайском кабинете только недавно созданного Института востоковедения АН СССР, кабинетом и комиссией руководил В.М. Алексеев. В работе комиссии также участвовали А.А. Драгунов, Ю.К. Щуцкий, Б.А. Васильев, А.Г. Шпринцин. К 1 января 1931 г. комиссия составила проект китайской латинизированной орфографии (КЛЮ), включённый в книгу (с. 74–84), в книге также имеются комментарии к проекту и

обоснования принимаемых в нём решений, в том числе в отношении передачи тонов и употребления пробелов.

Проект был передан на рассмотрение Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА), главного органа языкового строительства в стране. Проект был в 1931 г. рассмотрен ВЦКНА, внёсшим в него ряд изменений, с частью которых В.М. Алексеев не согласился: «Я по-прежнему считаю приемлемой только версию, выработанную нашей комиссией» (с. 95). Но переработанный проект в сентябре того же года был утверждён конференцией по латинизации китайской иероглифической письменности. На ней «были приняты важнейшие решения, вроде обязательного введения латиницы с этого года во всех школах, печатание учебных пособий и книг латиницей, организация ликбезов на её основе и т.д.» (с. 95). Языковое строительство в СССР почти не затрагивало языки, распространённые за пределами государства, но для китайского языка было сделано исключение по двум причинам. Во-первых, в качестве нацменьшинства учитывались и дальневосточные китайцы, во-вторых, на китайскую революцию очень надеялись и готовились заранее помочь будущему Китаю.

Однако дальневосточные китайцы ещё перед войной были переселены в Среднюю Азию, где на китайском языке уже не было ни ликбезов, ни учебных пособий. А надежды на революцию в Китае оправдались, но отмена иероглифики не произошла. Вскоре после победы революции этот вопрос обсуждался с участием китайских специалистов и приглашённого в Китай советского лингвиста Г.П. Сердюченко. Речь шла уже не о КЛЮ, а о совсем другом проекте латинизации, намечались меры для поэтапного перехода в КНР на латиницу, но он не осуществился. Не была отменена иероглифика и в других странах, где распространён китайский язык. Усилия ленинградского коллектива оказались потрачены зря.

В.М. Алексеев нечасто обращается в книге к другим языкам, имевшим иероглифическую письменность, указывая в том числе, что он «не специалист в японском языке» (с. 53). Но он в числе аргументов сторонников сохранения иероглифики упоминает и такой: «Говорят, что особенно поучительны уроки Японии, Кореи и Аннама, которые доселе, несмотря на все старания (особенно в Японии) отделаться от иероглифики, этого достичь не могут» (с. 53). Но опыт этих стран оказался различен. В Японии, как и в Китае, иероглифы сохранились. Но во Вьетнаме (Аннаме), тогда французской колонии, к 1932 г. колониальная администрация уже «отделалась от иероглифики», заменив её латиницей; при независимости латиница сохранилась. Позже отменили иероглифы и в КНДР, но перешли не на латиницу, а на

национальное буквенное письмо, тогда как в Республике Корея иероглифы сохранились лишь для записи китайского слоя лексики. Так что исторический опыт говорит о том, что судьба китайских иероглифов может оказаться различной. Ясно, что во Вьетнаме и в КНДР реформы письменности были политическими актами, имевшими противоположные причины, но отчасти совпавшими по результатам. Этот опыт показал, что отмена иероглифов вполне возможна; особенно показателен опыт Вьетнама, где язык типологически близок к китайскому. Но всё же с китайским языком это не получилось, хотя политическая ситуация в КНР в 1950–1960-е гг. казалась бы способствовала отказу от иероглифов.

В связи с этим следует рассмотреть второй главный аспект книги В.М. Алексеева. В отличие от большинства советских специалистов по Китаю тех лет (включая таких крупных как Е.Д. Поливанов) он не ограничился политической стороной дела, разобрав большое число аргументов за иероглифы и против них. Пожалуй, в книге, изданной ещё в 30-е годы, приводились всё те же соображения, что и у современных японских лингвистов, обсуждающих проблемы иероглифики, за естественным исключением лишь компонентов, связанных с компьютеризацией. Это сходство я уже отмечал [2, с. 36]. И эти части книги сейчас наиболее интересны и сохраняют актуальность.

Здесь в книге видна двойственность. С одной стороны, В.М. Алексеев был, как и почти все наши учёные того времени, сторонником отмены иероглифики, сам активно участвовал в латинизации. Но, с другой стороны, большое место он уделяет и аргументам противоположной стороны, разбирая их весьма подробно и нередко с ними соглашаясь.

Приводимые в книге аргументы против иероглифики не новы и хорошо известны: большое количество и большая сложность знаков, трудность их для запоминания, трудность обучения им, а также архаизм иероглифов и неудобство их для записи живой речи. В.М. Алексеев отмечает, что существующие для разных целей словари в объёме 5–6 тысяч знаков недостаточны для «чтения даже популярного журнала» (с. 153). Нет какого-либо соотношения между степенью сложности знака и его употребительностью, в том числе часто «наиболее нужными являются как раз самые громоздкие и сложные» иероглифы (с. 8). «Если русская (Грозовская) орфография требовала не менее 6, а то и 10 лет систематического школьного обучения, то в Китае этот процесс занимал, по-видимому, не менее 16–20 лет, причём далеко не всегда заканчивался успехом, а очень часто даже приводил к крушению всей карьеры» (с. 9). Высказывания В.М. Алексеева о неудобстве иероглифики для записи живой речи приводились выше.

Скорее недостатком иероглифического письма является и его тесная связь с «иероглифическим языком». Отношение учёного к последнему также противоречиво. С одной стороны, это «язык, а не условный конспиративный жаргон, ибо он универсален и выражает гораздо более и сильнее, чем разговорная речь» (с. 36). В то же время это и всего лишь «условная письменная речь» (с. 34), он «в своей нарочитой условности не мог быть естественным выражением человеческой мысли» (с. 59). Согласуется ли с последним утверждением другое: иероглифика «это – инструмент мысли, если и отличный от других, то только формально» (с. 33)? Но в любом случае при всей важности традиций к иероглифическому языку «нужно отнестись, прежде всего, как к историческому факту и наследию» (с. 60), проводится закономерная параллель с латынью. А в результате «свободной и немедленной установки на диалекты», и раньше не записывавшиеся иероглифами, они окажутся ненужными.

Многочисленные недостатки китайской письменности привели к тому, что европейцы «резко обособили себя от китайской культуры вообще, и книжной в частности, оставив её в состоянии „китайской грамоты“ за „китайской стеной“, они считали „грамоту“ принципиально чуждой их духу и пониманию, недостижимой и не подлежащей достижению» (с. 5, 6). Так считали в XIX–XX вв. (и считают в XXI в.) и многие специалисты. В книге приводятся слова крупнейшего русского китаиста XIX в. В.П. Васильева: «Китайцы, кажется, только и думают, как бы затруднить для самих себя изучение своего языка, для того, чтобы было, чем пощеголять» (с. 7). И примерно о том же говорят о Китае и Японии и в наше время: видный американский японист второй половины XX в. Р.Э. Миллер писал: «Говорить о совершенстве японского письма – то же, что убеждать больных, что им лучше, чем здоровым» [6, с. 187].

И всё же позиция В.М. Алексеева иная: он приводит и противоположные аргументы в пользу иероглифики. Один из них я рассматривал выше: только иероглифика поддерживает языковое единство Китая (отмечу, что этот аспект не был актуален для Японии, где такое единство могло поддерживать и фонетическое письмо – кана). Более того, учёный признавал: «Конечно, латинизация диалектов не приведёт к объединению Китая» (с. 66), и даже прогнозировал, что после отмены иероглифов языковое единство перестанет существовать, не видя в этом, правда, большой беды.

Но преимущества иероглифов В.М. Алексеев видел не только в этом. Он обращался и к их структуре, сравнивая их с буквами алфавита, в частности, кириллического, и пришёл к несколько парадоксальному выводу: «С точки зрения структуры элементов письма

китайская письменность не сложнее» (с. 26). Этот вывод основан на том, что графических элементов (черт) у иероглифов не более 19, согласно В.П. Васильеву, а по мнению В.М. Алексеева, ещё меньше (с. 130, 131), тогда как в кириллице их явно больше. Конечно, во многих китайских знаках эти черты представлены в очень большом количестве (приводятся примеры знаков из 24 черт), но есть и знаки всего из двух черт. Этот аргумент сам по себе не представляется убедительным: очевидно, что в большинстве случаев иероглиф сложнее буквы; однако автор книги указывает, что при чтении (конечно, не при письме) сложность китайского знака не так значима. «Когда я *пробегаю* газету, то я, наверное, не читаю по буквам и слогам, а именно *пробегаю* длиннейшие слова... и делаю это точно так же, между прочим, как и китаец, который *бежит* по строкам, не задерживаясь на иероглифах» (с. 27). Это очень верное наблюдение: по буквам или по иероглифам текст читают лишь малограмотные (что, однако, очень часто встречается среди иностранцев, не вполне овладевших иероглификой), но, разумеется, для такого чтения надо предварительно приложить большие усилия при обучении.

Данный аргумент в книге сочетается с другим, более важным: иероглиф надо сопоставлять не с буквой, а с целым словом или с компонентом слова. «Иероглиф соответствует только одному слогу, тогда как слово может быть и многосложным» (с. 14). Однако в целом в «иероглифическом языке» совпадение иероглифа со словом – норма, и уже поэтому иероглиф может быть компактнее и даже проще слова, записанного буквами. Например, русское слово из шести букв *собака* сложнее соответствующего иероглифа, состоящего из трёх черт и точки.

Но здесь проявляется ещё одно специфичное свойство иероглифики, также рассмотренное В.М. Алексеевым: «большие возможности к сокращению слов» (с. 29). Иероглифические последовательности он сопоставляет с фразами, «типа такой, например, русской: „След. он не д. ему случ. разв. св. мысль“» (с. 29). Один иероглиф может выполнять функции слова и даже целого словосочетания. Таким образом, имеется возможность записи одним знаком целого понятийного комплекса независимо от его длины. Это свойство иероглифики в полной мере существовало и существует до сих пор не только в Китае, но и в Японии.

Вот три японских примера, которые я уже рассматривал [1, с. 157]. Вышеупомянутый иероглиф, означающий *собака*, если он написан на воротах дома, соответствует более длинному русскому стандартному тексту, состоящему из целого предложения: *Во дворе злая собака.*

Экономия очевидна. А вот последовательность из трёх иероглифов в предвыборном плакате кандидата в токийский муниципалитет. Прочсть это можно (*keidaisotsu*), но на слух (как и в записи каной или латиницей) абсолютно непонятно. Смысл всё это имеет лишь в иероглифической записи: первый иероглиф – начальный иероглиф слова *Keio* – название престижного университета в Токио, второй иероглиф начинает слово *daigaku* ‘университет’, третий – слово *sotsugyoo* ‘окончание (учебного заведения)’. Всё это эквивалентно целой фразе со значением «окончил университет Кэйо». Столь компактно соответствующая информация может быть передана только иероглифами. Наконец, плакат, посвящённый марафонскому забегу, где помещён один иероглиф со значением «бег». Даже неясно, как его читать: знак, как и большинство иероглифов в Японии (в отличие от Китая) имеет несколько чтений. К тому же, то, что им записывается, не употребляется изолированно: если это глагол, то должно быть окончание, записываемое каной (хираганой), если это именной корень, то он встречается лишь в сложных словах, записываемых несколькими иероглифами. Однако здесь это неважно, иероглиф передаёт значение, минуя слова. Разумеется, всё это может быть и в Китае.

В.М. Алексеев, рассматривая подобные случаи в «иероглифическом языке», указывает, что иероглиф здесь «надо охарактеризовать как сокращённую формулу указателя к книге, именуемой китайской книжной культурой; как коэффициент слова» (с. 36). «Это, скорее всего, намёк на слово, часть слова, его конденсатор, потенциальное слово, которое и меньше полного, а, зачастую и больше его, ибо открывает своею частичностью большие возможности ассоциаций» (с. 37).

Интересен специальный раздел «Иероглифика европейская» (с. 42–47), где предпринимается попытка посмотреть на буквенное письмо (на примере кириллицы) сквозь призму иероглифики. Автор пишет, что «мы в любом словаре найдём ряд сокращённых обозначений, играющих ту же роль», что отдельные знаки в китайском «иероглифическом языке» (с. 42). Он приводит в качестве примера элемент – *ком-*, который может в составе сложносокращённых слов иметь разные значения: *комитет*, *коммунистический*, *командир*, *коммунальный*. Ср. вышеприведённый японский иероглиф *dai*, обычно означающий *большой* и лишь в определённом контексте приобретающий значение *университет*. И для русского, и для китайского языка «требуется особое знание, помогающее перевести условные обозначения-иероглифы в полноправные слова» (с. 44). Ещё более похожи на иероглифы, по мнению В.М. Алексеева, буквенные компоненты в аббревиатурах (с. 45).

И любопытен вывод: «Раз мы, люди, стремящиеся к усовершенствованию своей орфографии, на самом деле неудержимо стремимся к процессам, отходящим от алфавитных, и стремящимся к иероглифическим, то мы можем и должны понять историческую закономерность этого же процесса в Китае.... Как бы мы ни относились к этому процессу..., мы должны понять, что этот сложный и головоломный способ письма, при желании писать сжато, был более совершенным, чем другие. И в самом деле, телеграфный стиль удаётся лучше всего именно в Китае (и это, несмотря на цифровой код для всех отдельных иероглифов!); сжатая статья в китайской газете, написанная иероглифическим языком, занимает, по крайней мере, вдвое меньше места, чем статья, писанная языком слышимым; документ всякого рода, требующий точного выбора слов и также сжатости, до сих пор делается лишь на иероглифическом языке и т.д. Всё это надо, по крайней мере, понять» (с. 47). Кстати, отмечу, что в Японии до второй половины XIX в. документы писали только на камбуне (японизированный, также чисто иероглифический вариант вэньяня), хотя существовал и собственно японский язык культуры (бунго).

В книге, тема которой заявлена как разработка методов упразднения иероглифов, мы находим, пусть с оговорками («надо, по крайней мере, понять»), панегирик вроде бы осуждаемой системе письма. Более того, оказывается, что мы сами, оставившие «китайскую грамоту» за «китайской стеной», сближаемся с ней, сами того не замечая. И в другом месте книги дан совет: «Можно было бы рекомендовать нашим типографиям присмотреться к китайскому набору и запастись наборными стереотипами постоянно встречающихся слов, трактуемых, следовательно, как китайские иероглифы» (с. 29). Этот совет, впрочем, не был услышан. Всё это значительно отличалось от подхода Е.Д. Поливанова или (полвека спустя) Р.Э. Миллера, делавших акцент на неудобствах иероглифов.

Упомянуты и другие положительные стороны иероглифического письма. Среди них возможность по графическому облику иероглифа до некоторой степени предсказать его значение; например, элемент со значением *птица* встречается в составе многих иероглифов, обозначающих птиц (с. 28). Существенна и роль иероглифов для снятия омонимии; в том числе отмечено, что в Японии эта роль значительнее, чем в Китае, в связи со «сложной и твёрдой фонетической нивелировкой» китаизмов (с. 53). Впрочем, здесь как раз В.М. Алексеев полагал, что эта роль иероглифов преувеличивается её сторонниками, ориентирующимися на «словарное представление о слове, столь свойственное изучающим язык иностранцам» (с. 52), тогда как в контексте омонимия большей частью снимается.

Иногда В.М. Алексеев, пожалуй, заходил слишком далеко в защите иероглифики. Он писал: «Тот, кто присутствовал при процессе иероглифического письма на пишущей машине, мог убедиться, что торжественная тишина, прерываемая редкими ударами пальца, не замедляет общего темпа письма, сравнительно с суетливой трескотнёю наших машинок. Можно предполагать..., что тяжеловесная и сложная иероглифика, в руках опытных наборщиков и машинистов, не отходит от темпов, свойственных европейской прогрессивной технике» (с. 29, 30). Однако современные японские специалисты единодушны в том, что в эпоху пишущих машинок хорошо приспособить их к иероглифике не удалось. Машинки представляли собой упрощённые типографские машины, и отмеченная В.М. Алексеевым их медленная скорость так и не была преодолена. В те годы в Японии часто писали документы от руки, к концу машинописной эпохи размножая на ксероксе, что в Европе и Америке уже было невозможно. Ситуация изменится лишь с появлением компьютеров.

Ещё с одним аргументом сторонников сохранения иероглифики В.М. Алексеев вроде бы не соглашается, но не разбирает его по существу: «Скажут, например, что можно обойтись без сокрушительной реформы типа общей латинизации, если взяться энергично за всеобщее обучение, которое даст 100% иероглифически грамотных (как в Японии), и тогда нет надобности рассуждать о реформах» (с. 54). Автор книги не отвечает на это высказывание, переводя вопрос в другую плоскость: «опыт СССР показал, как трудно бороться за ликбез, даже при наличии алфавитной письменности» (с. 54). Действительно, трудно, но как же всё-таки быть с Японией? Двумя десятилетиями ранее Н.И. Конрад писал: «Именно эта жизненность и практичность, полное соответствие с действительной и постоянной необходимостью и составляет характерную черту обучения иероглифической письменности в начальной школе», отмечая при этом, что грамотность достигла в Японии 98% [4, с. 32]. Всеобщая грамотность там была достигнута даже раньше, чем в обладавшей более простым письмом России, где в 1932 г. ликбезы ещё работали. Конечно, характер письменности в Японии отличается от Китая, но японский пример показывал, что «взяться энергично за всеобщее обучение без сокрушительной реформы» было возможно. Но тогда этот вопрос у нас предпочитали обходить, и Н.И. Конрад также был среди сторонников латинизации. А В.М. Алексеев полагал, что «иероглифический ликбез» «даже в хорошо организованной школе... не даёт прочной грамотности ранее 10–12 лет», а «ликбез массовый» «просто немислим» (с. 62). Но в Японии (где, правда, к моменту введения всеобщей школьной

системы процент грамотных был выше, чем в Китае) «хорошо организованные школы» (без «ликбеза массового») сделали своё дело.

Общий вывод В.М. Алексеева: «Иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко развитой способ человеческого общения, который в существе своём, вряд ли отличается от алфавита... Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других – они проще, как комплексы» (с. 59, 60).

Со времени публикации книги В.М. Алексеева прошло более восьмидесяти лет. Закономерный вопрос: насколько она устарела. Условно её можно разделить на две части: аналитическую и прогностическую. Вся прогностика не оправдалась, за исключением превращения «иероглифического языка» в подобие латыни (тоже, кстати, не на 100% «мёртвого» языка: ещё недавно знаменитый С.С. Аверинцев писал латинские стихи; но пишут стихи и на вэньяне, это делал даже Мао Цзэдун), но этот процесс в 1932 г. уже шёл. Зато аналитика в большинстве серьёзна. Это относится даже не только к анализу собственно иероглифики.

Многое о причинах того, что прогнозы В.М. Алексеева не сбылись, сказано им самим. Вот что он писал: «При знакомстве китайцев с алфавитными письменностями разных народов главным аргументом против заимствования одной из них было их чувство явного политического и культурного превосходства... Брожение и даже резкие выпады против иероглифа начались (и то несколько веков спустя) со вторжения в Китай латинской письменности народов, перед которыми это чувство превосходства не только пришло к концу, но и превратилось в антипод, в чувство тяжёлой растерянности, посрамления и уныния» (с. 25, 26). Я добавлю, что примерно так же дело обстояло и в Японии, где идеи отказа от иероглифики и даже замены японского языка каким-нибудь из западных были популярны дважды: после революции (реставрации) Мэйдзи и после поражения во Второй мировой войне; дискредитация традиционных ценностей захватила и иероглифику. А в Китае после 1949 г. если не сразу возродилось «чувство превосходства», то «тяжёлой растерянности посрамления и уныния», распространённых в первой половине века, на массовом уровне не было; тем более нет его теперь. Вопрос о латинизации ни в Китае, ни в Японии не стоит (речь, разумеется, не идёт о вспомогательном использовании латиницы в помощь иностранцам или для создания «имиджа»). И распространение общего для Китая языка на разговорной (естественно, пекинской) основе идёт (приведённый в начале статьи пример с Гонконгом не совсем показателен: там тогда ещё правила англичане, а после введения китайского

правления путунхуа, вероятно, проникает и туда). Это общемировой процесс, через который прошли или проходят все государства.

А сами свойства иероглифов, многие из которых подмечены В.М. Алексеевым, оказались полезными и совместимыми с развитием мировой цивилизации. Имеющиеся же недостатки отчасти стали преодолевать. Написание многих иероглифов и в КНР, и в Японии упростили (правда, по-разному, что ослабило письменное единство иероглифического ареала). Внедрение же компьютеров и процессоров оказалось в отличие от внедрения пишущих машинок выгодным для иероглифики. Оно позволило не тратить время на заучивание и написание сложных иероглифов: достаточно лишь помнить в общих чертах их форму, а остальное делает машина.

В завершение приведу ещё одни слова Н.И. Конрада, относящиеся уже к концу его жизни, когда он снова изменил точку зрения на иероглифы. Он писал переводчику его книги на японский язык: «Когда я бегло просматривал эти книги, переверачивая одну страницу за другой, у меня возникло ощущение, будто я погружаюсь в мир каких-то понятий. Так как я только перелистывал книгу, а не читал её, что в ней говорится, я уловить не мог, но о чём говорится, мне было совершенно ясно... Так как первое, что хочет знать человек, открывая новую для себя книгу, это – о чём в ней написано, получается, что наличие иероглифов даёт на это быстрый и точный ответ при одном взгляде. При европейской системе письма мы должны были бы прочитать весь текст или по крайней мере отдельное слово всё полностью... Нет, не отменяйте у себя иероглифы!» [3, с. 493, 494]. Последний призыв в это время уже был излишен и для Японии, и для Китая.

Литература

1. *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М., 2008.
2. *Алпатов В.М.* Япония: язык и общество. М., 1988.
3. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Издание 2-е. М., 1972.
4. *Конрад Н.И.* Современная начальная школа в Японии // Журнал Министерства народного просвещения. 1913, № 9.
5. *Поливанов Е.Д.* Статьи по языкознанию. М., 1968.
6. *Miller R.A.* Japan's Modern Myth. The Language and Beyond. N.Y.–Tokyo, 1982.